

ГЛАВА II

ВОЛНЫ НАШЕСТВИЙ НА РУССКОЙ РАВНИНЕ

2.1. СКИФСКАЯ ЭПОХА

Освоение всадничества было *фундаментальной инновацией*, которая означала революцию в военном деле — по терминологии У. Мак-Нила, «кавалерийскую революцию»¹. Правда, сначала было необходимо научиться использовать новые возможности. Всадничество потребовало, прежде всего, уменьшения размеров лука. Новый, так называемый скифский лук, как и луки предыдущего периода, был сложным и склеивался из нескольких пород дерева; его размер составлял 60–80 см. В силу небольших размеров лука стрела была короткой (до 60 см) и тонкой (4–5 мм); наконечники были маленькими — 2,5–3 см, максимально 4–5,5 см длины. Характерной чертой скифских наконечников было крепление с помощью втулки, унаследованное от арийских племен эпохи боевых колесниц².

Новая тактика подразумевала длительный обстрел противника и уклонение от ближнего боя. Приблизившись к противнику на расстояние выстрела (примерно 50–70 метров), скифы поворачивали и мчались вдоль фронта, стреляя из луков. Если враги пытались атаковать, то конные стрелки делали вид, что обращаются в бегство, и вынуждали противников преследовать их. В ходе этого преследования враги нарушали свой боевой порядок, а конные лучники, уходя от атаки, стреляли по врагу, оборачиваясь назад, — и наносили ему большие потери. Этот тактический прием, изображенный на рельефе во дворце Ашшурнасирапала II (883–859 до н. э.), впоследствии стал известен как «парфянский выстрел». В конечном счете «спасающиеся бегством» всадники приводили преследователей к засаде; выйдя из засады, свежие отряды конницы окружали и уничтожали противника³.

Тактика «парфянского выстрела» стала главным «оружием победы» для легкой конницы кочевников, и впоследствии она была доведена до совершенства гуннами и монголами. Однако первое время эта

тактика не была столь эффективной, поскольку луки были не такими мощными, как позже, и кроме того, еще не все степняки сели на коней: в войске скифов сохранялись подразделения пехоты, которую поставляли, в основном, зависимые племена. Недостатком скифской конницы было отсутствие оружия ближнего боя, скифские колющие мечи-акинаки были короткими (40–60 см) и могли использоваться только пехотинцами. В заключительной фазе боя, когда противники были изранены в результате длительного обстрела, всадники спешивались и добивали врагов вместе с пехотой в рукопашном бою⁴.

Согласно распространенной точке зрения, кочевание и всадничество были впервые освоены народами, обитавшими в степном поясе между Волгой и верховьями Енисея⁵. Греческие источники говорят, что здесь обитали родственные ираноязычные племена скифов, массагетов, саков, дахов, позже на северо-западе этой территории упоминаются также савроматы. Ввиду близости обычаев греки иногда называли все эти племена скифами, а персы именовали их саками⁶. Археологически эти всаднические и кочевые народы отличал единый культурный комплекс, который называют «скифским», и в который входят, в частности, отмеченные выше характерные формы удила, псалий, наконечников стрел, мечи-акинаки, «скифские» бронзовые котлы и изображения в «зверином» стиле⁷. Наиболее ранним и ярким свидетельством появления этого комплекса являются царские захоронения кургана Аржан в Туве: местного царя сопровождали в загробный мир не только царица, но и множество слуг, и несколько десятков верховых коней. Эти могилы датируются исследователями VIII веком до н. э., а по радиоуглероду — даже IX веком до н. э.⁸ А. Р. Кызласов полагает, что курган Аржан принадлежал вождю сакского происхождения, который во главе своих соплеменников покорил местные племена⁹. Дело в том, что, еще не полностью овладев новым оружием, первые кочевники начали наступление на окружающие народы. Отдельные отряды наездников подчиняли соседние этносы и становились «царским племенем» в новых племенных образованиях¹⁰. На Дону в среде племен, которых греки называли киммерийцами, также обнаруживается присутствие всаднической аристократии, принесшей с востока характерные черты кочевой скифской культуры¹¹.

В X–VIII веках до н. э. в донских степях происходил тот же процесс перехода к кочеванию, что и в степях за Волгой. Исчезли постоянные поселения, уменьшилось количество археологических находок не только в степи, но и в лесостепи Верхнего Дона¹². Вместе с тем в культуре местных племен стали ощущаться новые веяния, появились новые формы удила, наконечников стрел, кинжалов, топоров.

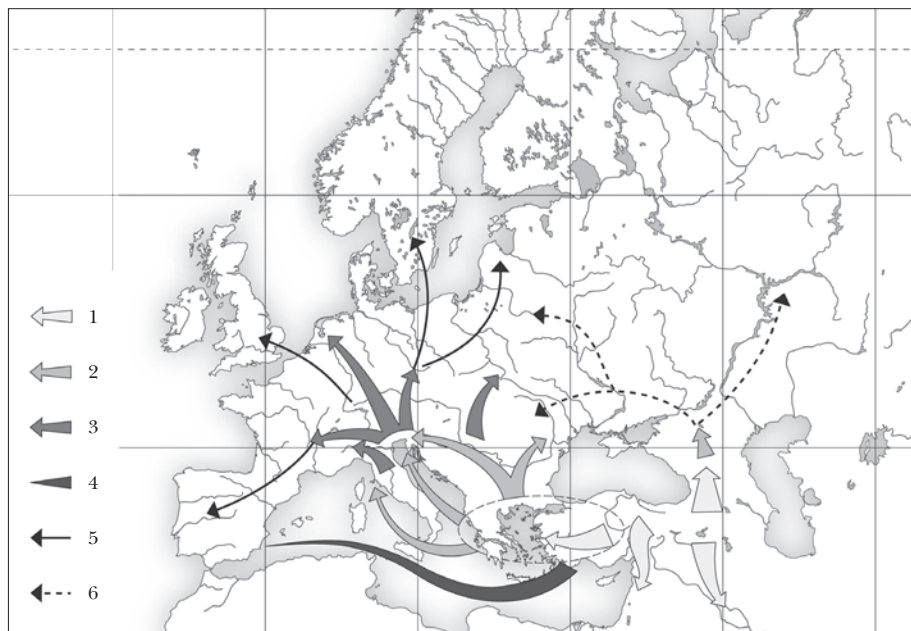

рис. 2.1. Схема распространения железа в Европе: 1—во второй половине II тыс. до н. э., 2—пути распространения железа в начале I тыс. до н. э., 3—проникновение железа из Италии и Центральной Европы, 4—направление финикийского влияния, 5—распространение железа на север (V в. до н. э.), 6—кавказское влияние¹⁴.

Помимо влияния всаднических культур Азии, специалисты объясняют эти инновации распространением новой диффузионной волны, связанной с освоением металлургии железа¹³.

Железо было еще одним *фундаментальным открытием* того времени. Считается, что первыми научились получать кричное железо кузнецы из области Хатти в Малой Азии: название железа на всех языках Малой Азии и прилегающих областей происходит из хаттского языка. В конце II тысячелетия до н. э. на Ближнем Востоке научились путем закалки или цементизации железа получать в небольших количествах твердую сталь. Стальные лезвия наваривали на железную основу мечей, кинжалов и топоров — в результате получалось оружие более твердое и острое, чем оружие из бронзы¹⁵. Поначалу сталь была дорогой, и из нее делали лишь клинки мечей, а ручки оставались бронзовыми. Тем не менее новое оружие быстро распространилось через Кавказ в степи Причерноморья — и вместе с ним пришли новые формы кинжалов, топоров, а также характерные двуколыча-

тые удила¹⁶. Волна диффузии продвинулась и далее, в днепро-бугские лесостепи, где обитали земледельческие племена чернолесской культуры. Сражаясь с киммерийцами, земледельцы заимствовали их оружие и железную металлургию; они стали строить укрепленные городища и завели собственных — правда, немногочисленных — всадников¹⁷. Согласно одной из распространенных теорий, чернолесские племена относились к балто-славянской языковой семье¹⁸, и некоторые лингвисты объясняют происхождение славянского слова «железо» (и литовского «gelesis») из языка хаттов¹⁹.

В конце VIII века до н. э. освоение всадничества породило большую волну завоеваний. Геродот пишет, что вначале скифы обрушились на живших в Северном Причерноморье киммерийцев. Часть киммерийцев опрокинула заслоны чернолесских племен и прорвалась в Центральную Европу, другая часть ушла в Закавказье, и скифы, преследуя их, вторглись на Ближний Восток²⁰. Вторая половина VII века прошла в долгих войнах, которые привели к разгрому Ассирии объединенными силами скифов, мидян и вавилонян. Однако в конечном счете мидянам и персам удалось нанести поражение скифам, и они отступили в Северное Причерноморье.

Завоевав степи между Дунаем и Доном, скифы подчинили живших по северной границе степи земледельцев и создали одну из первых в истории ксенократических империй. Поскольку кочевники не употребляли письменности, то облик этой империи предстает перед нами, в основном в материалах археологических раскопок и в свидетельствах античных историков. Геродот пишет, что самое многочисленное и доблестное племя скифов называли «царскими скифами», и все другие племена были ему подвластными²¹. Как поясняет современный историк, слова Геродота о том, что скифский царь выбирает себе слуг, следует понимать в том смысле, что подвластные племена помимо уплаты дани должны были поставлять царским скифам рабов²². Эти рабы пасли скот кочевников, и их было так много, что похороны не только представителей знати, но и рядовых скифов иногда сопровождались принесением в жертву рабов — слуг или наложниц²³. Все скифы-кочевники были воинами, и в их могилы всегда клали оружие — чаще всего это копьё и колчан со стрелами; иногда стрелы обнаруживаются и в женских захоронениях. Менее распространенным оружием воинов-мужчин был железный меч-акинак; мечи были найдены примерно в десятой части захоронений; что касается панцирей, то они были редкостью и исключительным достоянием знати²⁴. Могилы знати — это были огромные курганы, наполненные принесенными в жертву рабами, конями, оружием и предметами роскоши. Предметы роскоши

в то время впервые появились в степи: это были изделия греческих и восточных ремесленников, товары цивилизованных стран с давней ремесленной традицией. В могилы знати клали отделанное золотом оружие, серебряные ритоны и сосуды, драгоценные украшения, художественные краснофигурные амфоры, стеклянные чаши — диковинные вещи, созданные с помощью неизвестных в Скифии технологий. Некоторые более простые предметы, например, бронзовые зеркала, стеклянные бусы и изготовленная на гончарном круге столовая посуда, были доступны и простым кочевникам; греческая посуда постепенно вытесняла местную лепную керамику — хотя гончарный круг оставался неизвестным в степях²⁵. Скифы заимствовали у восточной цивилизации только связанное с военными нуждами железоделательное ремесло: посреди степи, на Днепре, они построили огромное Каменское городище — поселение, состоявшее сплошь из домов ремесленников, кузниц и литеен. Здесь ковали топоры, ножи, мечи со стальными лезвиями, отливали большие бронзовые котлы — производили то, что было необходимо для войны и кочевого хозяйства²⁶.

Как свидетельствует Геродот, среди покоренных царскими скифами племен были жившие на среднем Днепре «скифы-пахари»²⁷. Археологические данные говорят о том, что население лесостепной полосы в своей массе принадлежало к чернолесским племенам. Другую часть населения составляли скифы-кочевники; символом их господства были огромные курганы скифской знати, наполненные предметами роскоши и ничем не отличавшиеся от курганов, возводимых в степях²⁸. Об отношениях между скифами и покоренным населением свидетельствует греческий автор IV века до н. э. Клеарх Солийский. «...Устремившись первыми из людей к тому, чтобы жить роскошно, — пишет Клеарх о скифах, — они дошли до такой степени жестокости и высокомерия, что у людей, вступающих с ними в сношения, стали отрезать концы носов... Над всеми они господствуют так надменно, что рабское служение у них, ни для кого не бесслезное, перенесло и в последующие поколения выражение „от скифов“, показывающее, каково оно было»²⁹.

Определенный оттенок на эти взаимоотношения наложило влияние сформировавшегося в то время регионального торгового рынка: греческие города нуждались в привозном хлебе и предлагали за этот хлеб разнообразные предметы роскоши и вино. Соблазненная греческой роскошью скифская знать возлагала на покоренных земледельцев огромную дань зерном — обрезаая в случае неповиновения концы носов. Таким образом, вся Греция питалась скифским хлебом, а Скифия была наполнена греческой роскошью, керамикой и вином.

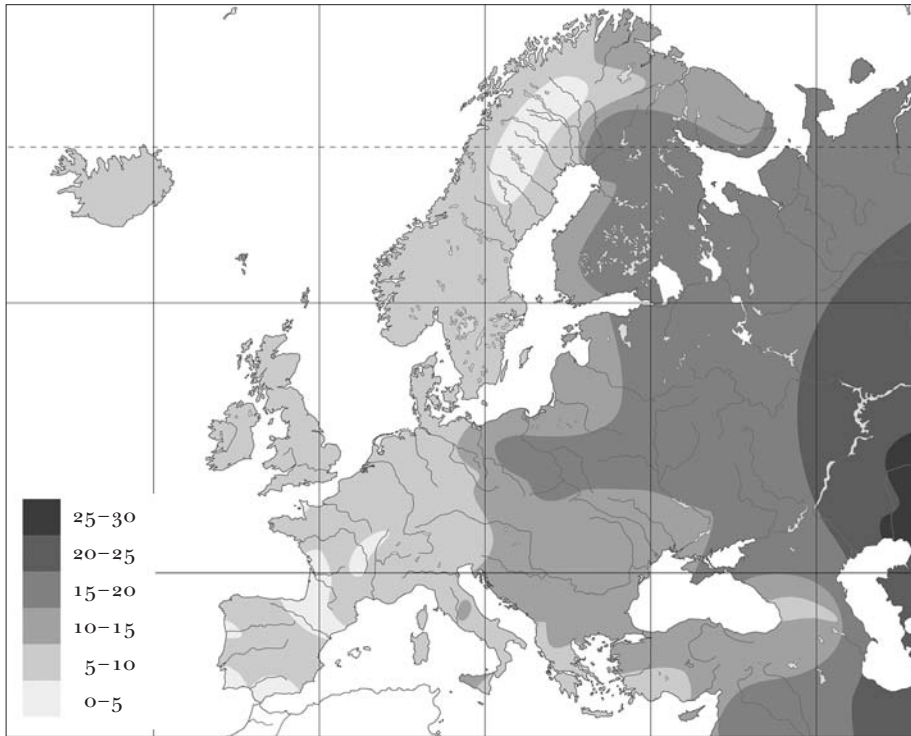

рис. 2.2. Распространение группы крови В. Эта группа крови характерна для обитателей Великой Степи и ее распространение показывает на степень смешения различных завоевателей с туземцами.

Другим предметом греческого спроса были рабы. Скифы постоянно совершали набеги на живших севернее лесные племена и продавали пленников в рабство — так что в Греции было множество скифских рабов³⁰.

Несмотря на жестокость скифов, время их владычества характеризуется огромным ростом численности населения лесостепи — это было следствие длительного мира и распространения облегчивших обработку земли железных орудий. Рост населения привел к тому, что уже в VI веке до н. э. на среднем Днепре стала ощущаться нехватка пашен, и земледельцы стали переселяться на восток — в бассейн Дона³¹. Другим признаком начинавшегося перенаселения был рост городов и развитие ремесел. В IV веке до н. э. в лесостепи появились настоящие города — Бельское городище на Ворксле имело площадь 4 тыс. га, и возможно, около 40–50 тыс. жителей. Это городище иногда отожд-

дествляется с упоминаемым Геродотом городом Гелоном в стране будинов. Археологи обнаружили здесь ремесленные кварталы с многочисленными мастерскими кузнецов и литейщиков — причем среди металлистов были и ювелиры, работавшие с золотом. В городе находилось большое святилище, а в окрестностях располагались богатейшие захоронения скифской знати³².

Таким образом, в Скифии существовали города и довольно развитые ремесла, торговый товарообмен и отчетливая сословная дифференциация. При царе Атее (в IV веке до н. э.) чеканилась монета, было налажено централизованное управление, чиновники иногда использовали греческую письменность. В сравнении с относительно цивилизованной Скифией располагавшаяся севернее лесная полоса по Припяти и Десне представляется другим миром. Население здесь было редким, и оно занималось, по-видимому, больше скотоводством, чем земледелием. Насельники юхновской культуры на Десне раньше жили в лесостепи и были вынуждены отступить в леса под напором кочевников. Чтобы защититься от скифских набегов, они строили маленькие городища-убежища (площадью 0,2–0,5 га). На этих городищах находят орудия из камня и кости, и лишь немногие изделия из железа — ножи, рабочие топоры, серпы тех же типов, что и в Скифии. Из оружия известны только наконечники стрел, копий и один скифский кинжал. Могильный инвентарь в лесных культурах очень беден, а из украшений известны лишь грубые бронзовые браслеты³³.

Некоторые признаки (наличие разделенных на секции длинных домов) заставляют археологов относить юхновские племена к балтам. Поскольку по лингвистическим данным праславяне жили где-то между иранцами, балтами и германцами, то многие историки приходят к выводу, что славяне — это покоренное скифами население лесостепи³⁴. Действительно, данные гидронимики указывают на лесостепное Правобережье Днепра как район обитания древнего славянского населения³⁵. Вывод о происходивших здесь контактах между праславянами и скифами поддерживается лингвистами, обнаружившими большое число скифских («восточноиранских») заимствований в славянских языках. Среди этих заимствований слова: топор, собака, огонь, степь, могила, жрец, чара, хата. Восточноиранское происхождение имеют некоторые названия славянских племен: северяне, анты, поляне, хорваты, бужане, сербы. Значителен скифский вклад в религиозные верования славян и, соответственно, в древнерусский языческий сонм богов. Такие его персонажи как Сварог (Сварга), Огонь Сварожич (Агни), Вий, Див, Хорс, Стрибог и Симаргл считаются индо-иранцами³⁶.

2.2. САРМАТСКАЯ ЭПОХА

В III веке до н. э. на Скифию обрушилось нашествие восточных иранских кочевых племен, сарматов. Греческий историк Диодор Сицилийский писал, что сарматы «опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя население, превратили большую часть страны в пустыню»³⁷. Археологические данные свидетельствуют о масштабах произошедшей катастрофы: большинство городов гибнет в огне пожаров, в сельских поселениях прекращается жизнь, на обширных пространствах исчезают какие-либо признаки присутствия людей³⁸.

Часть скифского населения укрепились в Крыму и на нижнем Днепре — здесь были построены крепости с двумя-тремя рядами каменных стен. Скифское царство в Крыму существовало до середины III в. н. э. В условиях недостатка пастбищ скифы-кочевники постепенно оседали на землю и превращались в крестьян-земледельцев; они жили в деревнях, сеяли пшеницу, ячмень, просо, возделывали виноград. Став земледельцами, скифы утратили свой воинственный характер, в их могилы, ставшие много беднее, чем прежде, клали не оружие, а орудия труда. В городах-крепостях развивались ремесла, в изобилии изготовлялись изделия из железа, но гончарный круг оставался неизвестным³⁹.

По сравнению с воспринявшими начатки цивилизации скифами сарматы были дикими варварами. У сарматов не было государства; сарматские племена постоянно воевали между собой и с соседними народами, опустошая при этом окрестные земли. Вдобавок из восточных степей все время прибывали новые орды ираноязычных кочевников: роксоланы, язиги, аорсы, а позже — аланы. Эти воинственные народы поклонялись мечу: «У них не видно ни храмов, ни святилищ, нигде не усмотреть у них даже покрытых соломой хижин; они по варварскому обычаю втыкают в землю обнаженный меч и поклоняются ему как Марсу — покровителю стран, по которым они кочуют»⁴⁰. Так же, как в могилы скифов, в могилы сарматов всегда клали оружие, но в отличие от скифских сарматские захоронения были относительно бедными⁴¹. Лишь изредка в степи встречаются сарматские курганы с более богатым инвентарем — но зачастую они принадлежали не вождям, а женщинам-жрицам: у сарматов сохранялись какие-то остатки матриархата, женщины скакали на конях, как мужчины, и их часто хоронили с оружием⁴². Геродот писал, что у сарматов «девушка не выходит замуж, пока не убьет врага»⁴³. Однако и в захоронениях сарматских жриц не было такой роскоши,

как в скифских курганах: отчасти это объясняется упадком торговых связей с цивилизованным миром. Обогащавшая Скифию торговля хлебом с Грецией прекратилась; почти что единственным товаром сарматов были рабы-пленные, которых они захватывали в постоянных войнах с соседями и пригоняли на рабский рынок в устье Дона, в Танаисе. Таким образом, привозных товаров было немного, а местное ремесло было не развито: в то время как у скифов существовали ремесленные города, у сарматов не находят даже следов железоделательного производства. По-видимому, варвары-кочевники получали железо и большую часть оружия в качестве дани и военных трофеев⁴⁴.

После сарматского нашествия в начале III века до н. э. большие праславянские городища в лесостепи были разрушены, и население в этом регионе резко сократилось. Во второй половине III столетия на опустошенные земли пришли племена с запада — многие археологи полагают, что это были бастарны, народ, который античные историки называют то германцами, то кельтами. Смешавшись с остатками местного населения, бастарны создали зарубинецкую культуру Среднего Поднепровья. Погребальный инвентарь в этой культуре был бедным и однообразным, оружие в могилы не клали, а железные изделия (серпы, топоры, ножи) встречаются редко — хотя в принципе железоделательное производство было известно. Известен был и ручной гончарный круг, видимо, принесенный бастарнами со своей западной родины, — однако подавляющая часть керамики была лепной. По южной границе лесостепи зарубинецкие племена строили укрепленные городища; на протяжении долгого времени им удавалось сдерживать сарматов на рубеже Днепра — но в I в. н. э. городища были разрушены, и большая часть их обитателей бежала в леса по Верхнему Днепру и Десне⁴⁵. Однако часть населения осталась и переселилась из городищ в неукрепленные деревни по берегам рек⁴⁶ — очевидно, жители этих деревень подчинились сарматам.

Прорыв сарматов на Правобережье был связан с прибытием с востока новой волны сарматоязычных племен — это были аланы. По-видимому, именно аланы принесли в Северное Причерноморье новую технологию войны: в то время как другие сарматские племена были конными стрелками из лука, аланы были всадниками-копейщиками, атаковавшими противника в сомкнутом строю. Аланские всадники носили чешуйчатые панцири-катафракты, подобные панцирям саков и парфян, и были вооружены длинными копьями, которые римляне называли «контосами»⁴⁷. Уходя от грозных врагов, роксоланы

и язиги прорвались до Дуная и Паннонии — до границ Римской империи. Однако аланы шли следом: Аммиан Марцеллин писал, что «мало-помалу они подчинили себе в многочисленных победах соседние народы и распространили на них свое имя», что «с течением времени они объединились под одним именем и все зовутся аланами вследствие единообразия обычаев, дикого образа жизни и одинаковости вооружения»⁴⁸.

Таким образом, новое оружие вскоре стало достоянием всех сарматских племен и позволило им завоевать обширные земли Восточной Европы. В составе коалиции варварских племен сарматы приняли активное участие в Маркоманнских войнах (167–180 гг.) и в разграблении римских провинций. Однако таранная тактика сарматов в условиях отсутствия стремян еще не была столь эффективной, чтобы брать верх над римскими легионами. В конечном счете сарматы-язиги были остановлены на линии Среднего Дуная; по условиям договора они стали римскими федератами и обязались за определенную плату поставлять конные отряды в римскую армию⁴⁹. Со временем нехватка пастбищ привела к тому, что часть кочевников стала оседать, усваивая обычаи местного земледельческого населения. Этот процесс был особенно заметен в междуречье Днестра и Дуная, где сарматы-земледельцы жили вперемишку с местными жителями, фракийцами⁵⁰.

Отступившие перед лицом сарматского наступления зарубинецкие племена, потомки смешанного бастарно-славянского населения, по-видимому, долго не могли найти места для поселения⁵¹. Тацит называет их «венедями» и сообщает, что «венеды переняли многие из их (бастарнов — С. Н.) нравов, ибо ради грабежа рыщут по лесам и горам, какие только ни существуют между бастарнами и феннами»⁵². В дальнейшем этноним «венеды» постоянно употреблялся античными историками для обозначения славянских племен. «...Начиная от места рождения реки Вистулы, на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венедов, — писал Иордан. — Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются склавенами и антами»⁵³. В конечном счете венеды частью вытеснили, частью ассимилировали живших на Днестре и Десне балтов — усвоив при этом некоторые элементы их культуры. Однако в целом позднерубинецкая культура, как на севере, так и на Среднем Днестре, упростилась и огрубела. Качество керамики и металлических изделий заметно ухудшилось; железо было кричным, с примесью шлака, технология получения стали была, по-видимому, утрачена⁵⁴.

2.3. ГОТСКАЯ ЭПОХА

В конце II — начале III века в Северное Причерноморье пришла новая волна завоевателей — на этот раз не с востока, а с северо-запада. Это были племена готов, выходцев из суровой Скандинавии. В этническом и культурном отношении Скандинавия была продолжением Германии; она была населена германскими племенами, говорившими на родственных диалектах северогерманского (датского) языка. Но различие природных условий этих стран предопределило и разные судьбы населявших их народов, различие обычаев и социального строя. В отличие от лесистой и хлебообильной Германии Скандинавия была суровой «Северной Пустыней», областью высокого демографического давления, такой же, как Великая Степь. Каменистая почва была практически непригодна для земледелия — даже к XX веку усилиями многих поколений было расчищено для пашни лишь 3% территории Норвегии и 9% территории Швеции. До середины I тысячелетия железо оставалось редкостью, расчистка была практически невозможна и скандинавы — также как и их предки, древние индоевропейцы, добывали средства к существованию в основном разведением скота⁵⁵.

Скотоводство требовало больших пространств и не могло прокормить население Скандинавии; с тех пор как в XI веке появляются скандинавские хроники, они постоянно упоминают о голоде. Голод приводил к схваткам за пастбища и к постоянной войне родов и племен. «Все они живут по-звериному в иссеченных скалах, как бы в крепостях... — писал готский историк Иордан. — Все эти племена, превосходящие германцев как телом, так и духом, сражались всегда со звериной лютостью»⁵⁶. Так же, как из Великой Степи, из «Северной Пустыни» постоянно исходили волны нашествий, и Скандинавию называли «утробой, извергающей народы»⁵⁷.

Во I веке н. э. готы переправились через Балтийское море и, высадившись в районе устья Вислы, подчинили жившее здесь германское племя гутонов. Через пять поколений, когда население умножилось, и стала ощущаться нехватка земли, готы двинулись на юг. Продвижение было медленным и постепенным, готы прошли через область вандалов в долине Вислы и увлекли за собой некоторые покоренные ими вандалские племена⁵⁸. В начале III века огромная орда вышла на границу причерноморских степей и вошла в соприкосновение с господствовавшими в степи сарматами. Исход этого столкновения определялся в существенной степени тем, что копейная конница в отсутствие стремян еще не обладала военным превосходством над

сплоченным строем тяжеловооруженной пехоты. Готы использовали длинные копья-контосы и тактику, напоминающую тактику македонской фаланги⁵⁹; как известно, фаланга копейщиков одерживала победы над персидской конницей, и позже, во времена Средневековья, швейцарские батальи брали верх над рыцарской кавалерией. Дополнительные преимущества давало готам применение подвижного укрепления из телег, «вагенбурга», и кроме того, готы создали отряды тяжелой копейной конницы⁶⁰. Очевидно, что тяжелая кавалерия была перенята готами у сарматов, и в этой связи Х. Вольфрам пишет о «скифизации» готов, доходившей до того, что их вожди заимствовали восточные царские одежды⁶¹.

В итоге длительных войн часть сарматских племен подчинилась готам или вступила с ними в союз, а остальные сарматы были оттеснены за Дон. Были подчинены и скифы, обитавшие в Крыму; скифские крепости были разрушены. Скифская и сарматская кавалерии стали вместе с готами совершать набеги на римские провинции, и через какое-то время награбленная добыча примирила победителей и побежденных⁶². С 238 года готы во главе скопища племен, которых римляне называли «скифами», постоянно атаковали границы империи, прорывались на Балканы и в Малую Азию. Из этих походов приводили десятки тысяч пленников, которые, вливаясь в среду оседлого фракийско-сарматского населения на Днестре, передавали ему свою культуру⁶³.

В конце концов римляне провели военную реформу и создали кавалерийскую армию, которая быстро выдвигалась к месту прорыва; в этой армии значительную роль играли сарматские наемники⁶⁴. В 271 году император Аврелиан отказался от задунайских владений в Дакии и сумел укрепить границу на Дунае. Готы потерпели несколько поражений и были вынуждены заключить мир с империей. Они заняли Дакию и согласились стать «федератами» — то есть поставлять в римскую армию рекрутов и в обмен на выплату «стипендии» защищать границы империи⁶⁵.

С этого времени началась быстрая романизация готского государства. Многие тысячи готских воинов, отслужив в римской армии, возвращались на родину, принося с собой римскую культуру и римские обычаи. Жители римских провинций — в том числе и ремесленники — переселялись в Готию, надеясь получить освобождение от налогов и повинностей. Археологические данные говорят о процессе диффузии в Северном Причерноморье римских культурных элементов и римской техники: керамика стала изготавливаться на гончарном круге, на Днестре были найдены остатки стеклодельной ма-

стерской и каменных зданий, возведенных с применением цемента⁶⁶. Использование железных наральников римского типа говорит о распространении пашенного земледелия; ручные жернова для обмолота зерна также копировали римские формы⁶⁷. Одежда, украшения, керамика повсюду от Дуная до Дона следовали римским провинциальным образцам. В конечном счете в Готии сложилась романизированная «черняховская» культура, в которой римские культурные элементы скрывали этнические особенности; лишь по отдельным культурным проявлениям можно сделать вывод о том, что в пределах одного поселения часто проживали представители разных племен — готы, сарматы, поздние скифы, фракийцы, а в северной лесостепной полосе — также и славяне-венеды⁶⁸. Другая романизированная культура, «пшеворская», сложилась к северо-западу, в долине Вислы; здесь под одной культурной оболочкой сосуществовали вандалы, кельты и некоторые славянские племена⁶⁹.

В конце III века готское племенное объединение разделилось на двое, западнее Прута утвердились визиготы, восточнее — остроготы или гревтунги. Визиготы подверглись более сильной романизации, чем остроготы; в середине IV века среди западных готов стало распространяться христианство, епископ Ульфила создал готскую письменность и перевел на готский язык Библию⁷⁰. Восточные готы были в большей степени связаны со скифо-сарматским миром степей; их короля Германариха изображали в доспехах сарматского катафрактария с контосом в руках⁷¹. Германарих подчинил много народов и затем «двинул войско против венедов, которые, хотя и были достойны презрения из-за слабости их оружия, были, однако, могущественны благодаря своей многочисленности и пробовали сначала сопротивляться». «Но ничего не стоит великое число негодных для войны...» — заключает Иордан⁷².

Таким образом, в число народов, подвластных готам, входили и славяне-венеды, жившие в лесах на Среднем и Верхнем Днепре. Считается, что это были насельники позднезарубинецкой, а затем киевской культуры III–IV веков⁷³. Киевская культура испытывала значительное влияние со стороны черняховской культуры; на ее поселениях находят черняховскую гончарную керамику, стеклянные бусы, ручные мельницы. Однако собственное ремесло было слабо развито: местные кузнецы умели выплавлять только кричное железо; стальные изделия были редкостью⁷⁴. Из оружия в находках встречаются лишь наконечники стрел и копий⁷⁵ — естественно, что венеды не могли сопротивляться закованным в сталь готским и сарматским катафрактариям. О влиянии завоевателей на покоренных славян гово-

рят готские заимствования в славянских языках: из готского (древнегерманского) языка происходят слова «хлеб», «хлев», «блюдо», «котел», «вино». Слово «князь» происходит от германского «конунг», а «витязь» — от «викинг»; оба эти слова пришли в славянские языки еще до варяжского завоевания. Из других военных терминов были заимствованы слова «меч», «шлем», «полк», «тын» (крепостная стена). О взаимоотношениях готов и славян говорит заимствование таких слов как «долг», «мыто» («налог», «дань»), «гость» (в смысле «чужеземец») ⁷⁶.

2.4. ЭПОХА ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

В 370-х годах в степи Северного Причерноморья пришли новые завоеватели — в Европе их называли гуннами, а на Востоке — хунну. Это было начало Великого переселения народов — первая из трех волн нашествий из Великой степи; эти волны были вызваны чередой фундаментальных открытий в военном деле: изобретением гуннского лука, стремени и тюркского седла. Еще в III веке до н. э. обитавшие в степях Гоби племена хунну создали лук нового типа, значительно более мощный, чем прежние скифские луки. Новый лук был, как и раньше, сложным и склеивался из нескольких слоев дерева — но при этом он был больше по размерам: если длина скифского лука составляла 60–80 см, то длина нового лука — 140–160 см. Новым элементом конструкции были костяные накладки: боковые накладки размещались в середине и на концах лука, и еще одна фронтальная накладка размещалась посередине. Концевые накладки создавали рычаги, которые позволяли согнуть более упругую, чем у прежних луков, кибить; одновременно они увеличивали длину натяжения тетивы, то есть тетива воздействовала на стрелу большее время и придавала ей большую энергию. Поскольку всаднику было неудобно управляться с таким большим луком, то позднее его стали делать асимметричным — нижняя часть кибити до рукояти была меньше верхней⁷⁷.

По сравнению с прежними стрелами стрелы хуннского лука были длиннее и тяжелее. Длина увеличилась с 50–60 до 80 см, толщина — с 4–5 до 5–6 мм, обычная длина наконечника — с 2,5–3 до 5–7 см⁷⁸. Мощные луки потребовали изменить технику захвата тетивы: если скифы (и народы Ближнего Востока) натягивали луки концом большого пальца и первыми двумя суставами согнутого указательного, то хунны стали натягивать тетиву согнутым большим пальцем. Указательный палец при таком способе помогает большому, нажимая

на него сверху, а для защиты большого пальца надевают перстень или кольцо⁷⁹.

Освоение нового оружия потребовало значительных усилий: для того чтобы стрелять из больших луков со скачущей лошади, необходимы были немалая ловкость и длительная тренировка. «Чем мощнее лук, тем более искусным должен быть всадник», — отмечает А. Бивар⁸⁰. Мало того, лошадь тоже должна была пройти соответствующее обучение и самостоятельно выполнять некоторые маневры в моменты, когда всадник опускал поводья для стрельбы⁸¹. В силу этой особенности искусство стрельбы из лука с коня во все времена было привилегией прирожденных всадников из степей; оно с большим трудом давалось оседлым народам⁸².

Во II веке до н. э. хунну двинулись на запад и обрушились на живших севернее Тянь-Шаня кочевников-юэджи. Юэджи были вынуждены отступить в Среднюю Азию, а потом в Индию, и волна нашествий, вызванных появлением гуннского лука, охватила значительную часть Азии. Хунны заняли земли, простиравшиеся от Аральского моря до хребтов Манчжурии, и господствовали над степью до тех пор, пока на смену тактике лучников не пришла новая технология войны — тактика таранного удара. Как упоминалось выше, эту тактику в I веке н. э. применяли сарматы, но она имела лишь ограниченный эффект ввиду отсутствия у сарматских копейщиков стремян. Первые стремяна появились в начале IV века н. э.; их изображения дошли до нас из Китая и из государства Когуре в теперешней Маньчжурии. Известно, что когуресцы были соседями кочевников-сяньби, которые в это время завоевали Китай. В могилах этих завоевателей, относящихся к V веку, найдены настоящие стремяна — *новое оружие*, позволившее сяньби разгромить бесчисленные китайские армии и овладеть огромной страной⁸³.

Таким образом, на востоке Азии появились первые рыцари — всадники, одетые в латы и прочно сидящие на конях, опираясь на стремяна. Появление нового оружия вызвало волну завоеваний, не ограничившуюся вторжением в Китай. После ухода сяньби в долину Хуанхэ в степях Гоби стали господствовать их сородичи жужани. Экспансия жужаней была направлена на запад, в конце IV века они разгромили живших в степях Центральной Азии гуннов и вынудили их покинуть свои кочевья. Уходя от новых завоевателей, гунны двинулись за Урал, в степи Восточной Европы⁸⁴. Блаженный Иероним писал: «Весь восток задрожал при внезапно разнесшихся вестях, что от крайних пределов Меотиды... вырвались рои гуннов, которые, летая туда и сюда на быстрых конях, все наполняли резней и ужасом»⁸⁵.

Первыми приняли гуннский удар жившие за Доном аланы. «Аланов, хотя и равных им в бою, — писал Иордан, — но отличных от них человечностью, образом жизни и наружным видом, они подчинили себе, обессилив частыми стычками»⁸⁶. Аланской тактике таранного удара гунны противопоставляли тактику изнурения противника. Они не принимали рукопашной схватки, но и не покидали поле боя, осыпая противника стрелами из своих мощных луков — этот обстрел мог продолжаться несколько дней, пока оружие не выпадало из рук противника. «Легкие и подвижные, они вдруг нарочно рассеиваются и, не выстраивая боевой линии, нападают то там, то здесь, производя страшные убийства... — свидетельствует Аммиан Марцелин. — Они заслуживают того, чтобы признать их отменными воителями, потому что издали ведут бой стрелами, снабженными искусно сработанными остриями из кости...»⁸⁷

Покорив аланов и заставив их присоединиться к движущейся на запад орде, гунны в 375 году обрушились на готов. Разбитый в нескольких сражениях и павший духом Германарих покончил с собой; остrogоты были вынуждены покориться гуннам, а визиготы отступили за Дунай, в пределы Римской империи⁸⁸. Готская держава распалась, и освобожденные от готской зависимости племена добровольно или по принуждению стали союзниками гуннов; в числе этих племен были и славяне — склавины и анты. Когда через некоторое время остrogоты восстали против гуннов, им прежде всего пришлось столкнуться с антами. Готы победили антов, но были вновь разгромлены гуннами и окончательно приведены к покорности⁸⁹.

Вторжение гуннов означало страшную катастрофу для населения причерноморских степей. Археологи зафиксировали гибель почти всех поселений черняховской культуры. Аммиан Марцелин писал, что гунны „двигались как лавина и крушили все, что встречали на своем пути“⁹⁰. На обширных пространствах Северного Причерноморья исчезли какие-либо признаки жизни, и лишь через некоторое время здесь вновь появились земледельческие поселения. Эти поселения принадлежали славянам, которые вышли из северных лесов и расселились на опустевшей равнине⁹¹. Уцелел ли кто-либо из прежних обитателей приднепровской лесостепи? Новейшие генетические исследования показывают чрезвычайно высокую концентрацию в этом районе исконно славянского населения, то есть заставляют предполагать, что славяне действительно пришли на пустое место. Если даже переселенцы и встретились с остатками местного населения, то это местное население — тоже были славяне (может быть, из числа насельников многоэтничной черняховской культуры)⁹².

На Днестре и Пруте ситуация была иной — здесь сохранились остатки фракийского населения, и славяне какое-то время жили вперемешку с местными племенами, еще сохранявшими римские культурные традиции, в том числе и технологию гончарной керамики. Но уже в VI веке местное население было ассимилировано пришельцами, и в дальнейшем культура Прикарпатья уже ничем не отличалась от восточнославянских культур⁹³.

В своем движении на запад гунны увлекали с собой покоренные и союзные племена; огромная орда прорвалась в Центральную Европу, и предводитель гуннов Аттила устроил свою ставку на Паннонской равнине. Германские племена бежали за Рейн, и союзники гуннов могли свободно расселяться на новых землях: археологи фиксирует присутствие каких-то славянских племен на землях Моравии уже в V веке н. э.⁹⁴ Но господство гуннов над Европой продолжалось недолго: после смерти Аттилы в 453 г. его племенной союз распался, и германцы сумели отбросить гуннов назад, в причерноморские степи. Вскоре здесь возникло несколько племенных объединений, в которых господствовали родственные гуннам болгарские племена, кутригуры и утигуры⁹⁵.

Ко времени господства болгар относится становление в Причерноморье пеньковской культуры. Начавшееся при гуннах освоение славянами-антами причерноморских степей в VI веке привело к появлению многочисленных поселений на пространстве от Прута до притоков Днепра, Сулы и Воркслы. Это были маленькие неукрепленные деревни, состоявшие преимущественно из характерных для славян срубных полуземлянок с расположенной в углу каменной или глинобитной печью. Закрытая печь — это было главное открытие славян, *фундаментальная инновация*, позволившая жить в условиях сурового климата⁹⁶. Закрытая печь позволяла не только более эффективно отапливать жилище, но и строить деревянные бани, о которых летописец посчитал нужным рассказать в самом начале «Повести временных лет». Характерно, что древнерусское слова «изба» первоначально обозначало и теплое помещение, и баню⁹⁷. Однако в остальном культура славян была примитивной, как отмечает Г. С. Лебедев, «материальная основа славянской культуры буквально сведена к минимуму»⁹⁸. Многие славянские племена не знали железодельного ремесла; находки металлических предметов встречаются очень редко, а оружие представлено лишь несколькими наконечниками копий⁹⁹.

В стране антов и болгар существовал лишь один укрепленный город; это было Пастырское городище, которое некоторые истори-

ки считают ставкой болгарских вождей¹⁰⁰. Здесь жили ремесленники, производившие гончарную посуду, стальное оружие и железные орудия труда. В кладах на этом городище находят византийские ювелирные изделия и добычу, привезенную из военных походов. Однако культурный облик Пастырского городища выглядит совершенно чуждым облику окружавшей его страны славян. По-видимому, здесь проживало в основном неславянское население, хранившее традиции провинциально-римской черняховской культуры¹⁰¹.

Булгары, как и гунны, были воинственным кочевым народом, путем постоянных войн подчинившим многие окрестные племена. Автор начала VI века Эннодий писал, что булгары — это народ, который с помощью войны добудет все, что пожелает, который считает мерилом благородства количество пролитой в бою крови и, будучи приучен к лишениям, может довольствоваться одним кобыльим молоком¹⁰². С 520-х годов булгары вместе с подчиненными им славянами совершали опустошительные набеги на Византию, по возвращении уводя с собой многие тысячи пленных¹⁰³.

В середине VI века в Причерноморье вторглась новая кочевая орда — эти племена называли в Европе аvaraми, но большинство специалистов отождествляют их с жужанями — тем народом всадников, опиравшихся на стремена, от которого некогда бежали гунны. Стремена делали аварских всадников устойчивыми в седле и позволяли проводить таранные атаки тяжелой конницы. Другим преимуществом аваров была возможность, вставая в стременах, вкладывать в удар всю массу своего тела; чтобы использовать эту возможность, авары создали новое оружие, саблю¹⁰⁴. Войско аваров насчитывало бо тысяч всадников, одетых в латы; в 550-х годах, разгромив булгар и антов, новые завоеватели прорвались в долину Дуная¹⁰⁵. Обосновавшись на Венгерской равнине, жужани-авары создали могущественное государство — Аварский каганат, претендовавший на земли от Днепра до Рейна.

Аварский каганат — как и все государства кочевников в завоеванных земледельческих областях — был ксенократическим объединением, в котором военно-кочевая элита господствовала над покоренными земледельцами. Как в скифские времена, в могилы воинов обычно клали оружие, коней, рабов и наложниц, а погребения знати были наполнены предметами роскошью¹⁰⁶. Среди подчиненных аварами племен были булгары-кутригуры, сарматы, гепиды и славяне — склавины и анты. «Повесть временных лет» рассказывает об аварском господстве над славянами: «Эти обры воевали и против славян и примучили дулебов — также славян, и творили насилие женам ду-

лебским: если поедет обрин, то не позволял запрячь коня или вола, но приказывал впрячь в телегу три, четыре или пять жен и везти его — обрина. И так мучили дулебов¹⁰⁷». Авары насильственно переселяли славян на территории, оставленные германцами, и заставляли их участвовать в своих походах. Франкская «Хроника Фредегара» сообщает, что в мирное время, приходя на зимовку к славянам, авары требовали у них дань и брали в наложницы их дочерей и жен. Во время войны авары посылали славян в бой, а сами стояли в тылу; если славяне побеждали, то авары бросались вперед за добычей, но если славяне терпели поражение, то авары поворачивали их и вновь заставляли вступать в битву¹⁰⁸. Рассказывая об одном из сражений, Феофилакт Симокатта говорит, что в аварском войске собственно авары составляли только пятую часть, а остальные были по преимуществу славянами¹⁰⁹. Но в то время как авары были всадниками с копьями и саблями, нередко в кольчугах, славяне представляли собой плохо вооруженную пехоту. По сообщению Иоанна Эфесского они «даже не знали, что такое настоящее оружие, за исключением двух или трех дротиков»¹¹⁰.

Обратив в бегство германские племена Центральной Европы, авары отдали их земли своим данникам и союзникам славянам, которых они — по видимому, насильно — привели с собой в походе на запад. Таким образом славяне расселились до Эльбы и верховьев Дуная, проникли в Иллирию и на Балканы. Нашествие раскололо и разбросало отдельные славянские племена на огромных территориях. Так, известны осколки племени хорват на Руси, в Центральной Европе и на юго-западе Балкан; ободриты жили разбросанно на Дунае, Одере и Эльбе, дулебы на Руси и в Центральной Европе, северам, друговитам, смоленам и кривитеинам на Балканах соответствуют северяне, дреговичи, смоляне и кривичи русских летописей¹¹¹. О временах владычества аваров до сих пор напоминают оставшиеся в сербско-хорватских языках термины для обозначения племенных князей, «жупан» и «бан»¹¹². От всех этих славянских племен авары требовали участия в своих походах; известно, что они принуждали к походу на Константинополь даже племена с балтийского побережья¹¹³. В 626 году к византийской столице подступило огромное аварское войско; авары послали славян на штурм, но он закончился неудачей, и тогда аварский каган приказал перебить отступивших из-под стен славян. Славяне восстали, позже к ним присоединились болгары-кутригуры, и началась смута, приведшая к временному распаду каганата¹¹⁴. В Моравии образовалось славянское государство, а кутригуры, потерпев поражение в борьбе с аварами, ушли в Италию и в Македонию.

В середине VII века аварам удалось восстановить каганат — правда, новое государство уже не охватывало столь обширные территории, как прежде. Военная активность авар уменьшилась, и на территории Паннонии усилились процессы социального синтеза, формирования аваро-славянской социальной общности. Археологические материалы говорят, что славяне занимали в этой общности подчиненное положение, однако по мере того, как часть кочевников из-за нехватки пастбищ оседала на землю, социальная дифференциация постепенно уменьшалась¹¹⁵. Количество знатных погребений с конями и рабами уменьшилось; перешедшая к земледелию аварская беднота заимствовала славянские жилища-полуземлянки и мало чем отличалась от славян и остатков позднееримского населения¹¹⁶. Отмечается восстановление ремесленного производства, основанного на позднееримских традициях Паннонии; изготовлялись гончарная посуда, железное оружие и орудия труда — в том числе сошники для плугов и серпы. Возродилось и ювелирное искусство: производилось много художественно украшенного оружия; характерной чертой военного костюма были пояса с серебряными бляшками, количество которых указывало на ранг воина. Возродилась и торговля; известно, что в Аварский каганат приезжали купцы не только из соседних стран, но и с далекого Востока¹¹⁷.

В соответствии с законами халдуновского цикла, процессы социального синтеза в конечном счете привели к ослаблению племенной сплоченности («асабии») авар, к конфликтам между каганами и знатью, к появлению частнособственнических тенденций, проявлявшихся в стремлении к роскоши, к удовольствиям и к личному обогащению. В одном византийском источнике IX века сохранились характерные подробности о разложении позднеаварского общества: это рассказы старых воинов, находившихся в болгарском плену у хана Крума. Хан спросил их: «Что вы думаете, почему были разорены ваши господа и ваш народ?» Они ответили так: «Вначале из-за ссоры, лишившей кагана верных и правдивых советников, власть попала в руки людей нечестивых. Затем были развращены судьи, которые должны были отстаивать перед народом правду, но вместо этого побратались с лицемерами и ворами; обилие вина породило пьянство, и авары, ослабев физически, потеряли и рассудок. Наконец, пошло увлечение торговлей: авары стали торгашами, один обманывал другого, брат продавал брата. Это, господин наш, и стало источником нашего постыдного несчастья»¹¹⁸.

Необходимо добавить, что военное превосходство аваров, характерное для первых десятилетий их владычества, в VIII веке сошло

на нет. Диффузионное распространение аварской военной технологии привело к тому, что она была заимствована соседями аваров — византийцами и франками. В 720-х годах правитель франков Карл Мартелл провел военную реформу и создал тяжелую рыцарскую кавалерию; в 790-х годах франки разгромили аваров в нескольких битвах и заняли Паннонию. «Повесть временных лет» рассказывает, что когда франки («волохи») пришли на Дунай, многие славянские племена были вынуждены отступить на восток — и среди них были поляне и древяне, вошедшие позже в состав Киевского государства¹¹⁹. Авары же, как утверждает летопись, просто исчезли: «Были же эти обры велики телом, и умом горды, и Бог истребил их, умерли все, и не осталось ни одного обрина. И есть поговорка на Руси и донныне: „Погибли, как обры“, — их же нет ни племени, ни потомства»¹²⁰. В действительности авары постепенно растворились среди славян: генетические исследования говорят о том, что среди восточных славян довольно большой процент аварской крови, во всяком случае, больший, чем среди тех кавказских народов, которые считают себя прямыми потомками этого племени¹²¹.

2.5 ХАЗАРСКАЯ ЭПОХА

Аварское вторжение в Европу было следствием новых перемен в военном деле степных народов: так же, как двумя столетиями ранее гунны уходили от предков авар, жужаней, авары были вынуждены бежать от обладающих новым оружием тюрок. Тюрки были народом, вписавшим новую страницу в историю тяжелой кавалерии. С появлением стремян всадники получили необходимую опору, но жужани по традиции продолжали пользоваться высоким седлом, зажимавшим наездника и лишавшим его подвижности. Следующий шаг в использовании преимуществ стремени был сделан в начале VI века, когда у тюрок появились седла с низкими наклонными луками, позволявшие всаднику, опиравшемуся на стремяна, поворачиваться и наклоняться в разные стороны¹²². Новое седло обеспечило военное превосходство тюрок и породило волну тюркских завоеваний. В 552–553 годах тюрки одержали решающую победу над жужанями и отбросили их за Волгу¹²³. В 570-х годах новые завоеватели подчинили кочевые народы между Волгой и Доном — в том числе булгар-утигур, алан и хазар. В 620-х годах тюрки и хазары неоднократно вторгались в Закавказье и в Иран, но в 630-х годах среди тюрок началась долгая междоусобная война, и огромный каганат распался. Булгар-

ские племена в Причерноморье создали свое ханство, «Великую Булгарию», но реальными приемниками тюркского каганата стали хазары, которые приняли к себе оставшихся на западе тюрок и провозгласили каганом представителя тюркского правящего рода Ашина. К концу VII века хазары одержали победу над булгарами; часть болгар ушла за Дунай, часть — на Волгу и Каму, остальные подчинились хазарам. Хазары огнем и мечом прошли по причерноморской степи; Пастырское городище было разрушено, и с ним погибла значительная часть поселений славян-антов. Славянские племена днепровского левобережья признали власть хазар и обязались платить дань. В результате этих завоеваний было создано большое государство, простиравшееся от Днепра до Урала и от Оки до Кавказских гор — Хазарский каганат¹²⁴.

Первые десятилетия существования нового государства прошли в жестоких войнах с арабами, пытавшимися прорваться через Дербентский проход на Северный Кавказ. Ислам служил для арабов мощным идеологическим оружием, которое придавало племенной сплоченности («асабии») характер религиозного единения. Это единение находило свое высшее выражение в войне за веру и в призыве к самопожертвованию в бою: как известно, пророк обещал погибшим в сражении с неверными услады рая. Для хазар, терпевших поражения в войнах с арабами, была очевидной необходимостью перенимания их идеологического оружия и их военной (а также и государственной) организации — это был обычный процесс диффузии фундаментальных инноваций. Но, заботясь о сохранении своей независимости, хазары приняли в качестве государственной религии не ислам и не христианство, а иудаизм. Как утверждает «Послание царя Иосифа», каган Булан «поверил господу и сделал, как тот сказал. Он пошел и вел многие войны и одержал в них, с помощью всемогущего, победу»¹²⁵. Таким образом, принятие новой религии объяснялось, прежде всего, военной необходимостью, стремлением прибегнуть к покровительству могущественного божества.

Принятие иудаизма сыграло в истории Хазарии ту же роль, что и принятие христианства Русью — оно означало присоединение Хазарии к ближневосточному культурному кругу, заимствование культурных достижений ближневосточной цивилизации. В Хазарию устремились еврейские ремесленники, торговцы и ученые-книжники, принесшие с собой ремесленные и торговые навыки, новые технологии и книжную ученость, позволившую создать правильно функционирующее государство. В Хазарии появилась письменность, созданная на основе еврейского алфавита, велась официальная до-

кументация и дипломатическая переписка¹²⁶. Была налажена простейшая налоговая система: податное население платило серебряными монетами (дирхемами) или мехами, которые приравнивались к монете и ходили вместо денег. «Повесть временных лет» говорит, что славяне-радимичи платили дань со двора «по щелягу» — это еврейское название дирхема, которое переводится как «белый», «серебряник»¹²⁷. Поляне, северяне и вятичи платили по серебряной монете и беличьей шкурке¹²⁸, а осевшие на Волге болгары платили по шкурке соболя¹²⁹. Шкурка соболя стоила 2,5 дирхема, шкурка куницы была эквивалентом дирхема, а белка было равна 1/6 дирхема¹³⁰. В целом это была легкая дань: в арабских странах подушный налог составлял 1 динар, то есть примерно 14 дирхемов, и помимо того, были еще и другие налоги¹³¹. Однако каган имел еще одну статью доходов: со всех торговцев в Хазарии брали пошлину, десятую часть товара, и большая часть богатств казны происходила именно из этого источника¹³². Принятие иудаизма привело к торговому расцвету каганата, еврейские купцы-«рахданиты» («знатоки путей») наладили торговлю мехами с арабскими странами и превращали меховую дань в серебро, поэтому хазарская казна не испытывала недостатка в монете. Рахданиты везли по волго-каспийскому пути и другие товары: мед, воск и рабов, которых они покупали у русов; все эти товары облагались пошлиной¹³³.

В IX веке Хазарское государство обладало достаточно развитым бюрократическим аппаратом, в него входили правители городов и завоеванных областей (тудуны), сборщики податей, судьи и, вероятно, даже полиция¹³⁴. Хазары чеканили свою монету, подражавшую монетам Аббасидского халифата¹³⁵. Наличие налоговой системы и значительных доходов позволяло кагану содержать наемное войско. Это войско насчитывало около 12 тысяч воинов и было организовано по образцу аббасидской гвардии гулямов; по большей части это были среднеазиатские тюрки — тяжеловооруженные панцирные всадники¹³⁶. В каганской гвардии служили также русы и славяне, причем о славянах ал-Масуди сообщает, что они были рабами кагана — то есть гулямами¹³⁷. Известно, что создание профессионального войска, находящегося на содержании государства способствует установлению самодержавия (см. п. 1.2). Появление гвардии гулямов при халифе ал-Мамуне (813–833) намного усилило власть халифов¹³⁸ — и очевидно, что появление хазарской гвардии должно было иметь аналогичные последствия. Правда, у хазар существовала двойственная система управления, при которой каган был в основном ритуальной фигурой, а вся власть принадлежала царю («беку»). Некоторые

свидетельства говорят о том, что хазарский царь был неограниченным, самодержавным монархом. Когда царю случится приговорить к казни кого-либо из знатных, рассказывает Истахри, он приказывает, чтобы тот сам убил себя; приговоренный отправляется в свое жилище и кончает самоубийством¹³⁹. Аналогично Ибн Фадлан писал, что царь может самым жестоким образом казнить потерпевших поражение военачальников: «Иногда он разрежет каждого из них на два куска и разопнет их, а иногда повесит их за шеи на деревья»¹⁴⁰.

Таким образом, принятие иудаизма привело к трансформации хазарского племенного союза по образцу ближневосточных самодержавных монархий. Трансформация подразумевала также перенимание других культурных навыков, в том числе ремесленной и земледельческой технологии. Получило распространение возделывание новой для Ближнего Востока культуры, риса, и при пахоте стали широко применяться плуги с железными наральниками. «Орудия труда свидетельствуют о развитой и даже безусловно передовой для того времени экономике», — отмечает С. А. Плетнева¹⁴¹. Аланы и хазары Северного Кавказа выращивали виноград, что по традиционному представлению мусульманских историков служило признаком принадлежности к культурным народам. В строительстве главной инновацией было использование обожженного кирпича и известкового раствора (цемента) — эта технология считалась монополией кагана и применялась лишь при строительстве дворцов и некоторых крепостей¹⁴². В Алании и в приморском Дагестане — по-видимому, с помощью еврейских торговцев — было освоено производство стекла, а именно той его разновидности, которая называется «иудейским стеклом» (хрусталь)¹⁴³. Это производство было непосредственно связано с пушной торговлей: в северных областях на Волге и Каме за стеклянную бусину давали шкурку куницы (так же, как за дирхем)¹⁴⁴.

Помимо заимствованных навыков, развивались и местные традиции, восходящие к Пастырскому городищу и черняховской культуре; было распространено гончарное ремесло и производство стальных изделий¹⁴⁵. Главным оружием хазар и аланов были (по-видимому, заимствованные у аваров) слабоискривленные сабли. Сабельные клинки демонстрируют высокий технологический уровень: использование высокоуглеродистой стали, цементизация, сложные виды термообработки. Подобные технологии применялись только в высоко развитых центрах производства оружия с давними традициями¹⁴⁶. Было развито и ювелирное дело, обычной продукцией ювелиров были зеркала с шестиконечными звездами на тыльной стороне — эту символику можно истолковать как признак присутствия в Хазарии

еврейских ремесленников¹⁴⁷. С другой стороны, во многих украшениях прослеживаются мотивы, характерные для Ирана и мусульманского Востока — свидетельство диффузии мусульманской культуры¹⁴⁸.

Для Хазарии характерна довольно однородная археологическая культура, которую называют салтово-маяцкой — так же, как в черняховские времена, мы наблюдаем поглощение местных культур единым культурным комплексом. Но при всем том Хазарское государство было полиэтническим образованием, включавшим в себя как кочевые, так и земледельческие племена. Столицей каганата был город Итиль на Волге, удивительным образом сочетавший черты торгово-ремесленного поселения и зимней стоянки кочевников. На острове посреди реки возвышался построенный из кирпича дворец кагана, восточное предместье («Хазаран») напоминало обычный мусульманский город с базарами и мечетями, а западное предместье принадлежало кочевникам, которые проводили в городе зиму, а весной уходили в степь. Каганский двор тоже кочевал по степи летом, совершая объезд своей страны — подобно тому, как это делали позже русские князья¹⁴⁹.

Домен кагана, страна кочевников-хазар, располагалась в междуречье Волги и Дона. За Доном после ухода болгар жили кочевые племена венгров-мадьяр; они номинально подчинялись кагану, посылали своих воинов в хазарское ополчение, но во внутренних делах пользовались самостоятельностью. Венгры возродили давнюю скифо-сарматскую традицию охоты на рабов: они производили набеги на живших на правом берегу Днепра независимых от Хазарии славян и продавали их в портах Крыма купцам, приезжавшим из Византии¹⁵⁰.

К IX веку значительная часть кочевников осела на землю, и на средней Волге обитали племена бургасов, занимавшиеся как скотоводством, так и земледелием. Севернее бургасов, в районе слияния Волги и Камы, располагалась Волжская Булгария; кочевые болгары подчинили часть славянских племен, и их вождь именовал себя «царем славян». Роды болгар (по-видимому, также как и роды хазар) включали в себя покоренных земледельцев и насчитывали тысячи членов, болгары кочевали по степи, а земледельцы обрабатывали поля. В Булгар, столицу Волжской Булгарии, спускаясь вниз по Волге, прибывали купцы-русы, привозившие рабов и меха; отсюда эти товары отправлялись дальше по реке в Итиль или караванами в Хорезм¹⁵¹. Тесные торговые связи с мусульманским Хорезмом привели к постепенной исламизации Булгарии, здесь было много мечетей, «царь славян» принял ислам и стремился освободиться от власти хазарских иудеев¹⁵².

На юге Хазарии существовали обширные земледельческие районы с многолюдными городами и селами. Наиболее плотно населенной областью была приморская часть Дагестана; здесь располагались знаменитые города-крепости Дербент, Семендер и Белинджер, окруженные орошаемыми полями и виноградниками¹⁵³. В Центральном Предкавказье находилась страна алан; здесь жили горные скотоводы, строившие каменные дома-башни, и равнинные земледельцы, обитавшие в городищах из сырцового кирпича. Страна алан находилась на границе с Византией, и ее культура с давних времен испытывала сильное византийское влияние; сюда во множестве проникали греческие и сирийские монахи, распространявшие в Алании христианство. Вероятно, именно эти монахи создали для алан письменность на основе сирийско-несторианского алфавита; позднее эту письменность использовали и тюрки¹⁵⁴. Вторжения арабов в VIII веке вынудили часть алан переселиться на север — в долины Дона и Северского Донца¹⁵⁵. Позднее здесь сформировалась еще одна область земледельческой культуры: появились каменные крепости и большие села, жители которых были знакомы с гончарным и железоделательным ремеслами.

Аланская область в лесостепи на Донце граничила на западе и на севере со страной славян. Славянские племена днепровского левобережья платили хазарам дань и считались подданными кагана. Установившийся в степи мир позволил им выйти из лесов и приступить к освоению плодородных степных черноземов¹⁵⁶. Археологические материалы свидетельствуют о резком росте славянского населения¹⁵⁷, которое расселялось в долины Дона и Северского Донца и жило здесь попеременно с аланами. В ходе этого культурного синтеза аланы заимствовали у славян их жилища, полуземлянки с закрытыми печами, а славяне переняли гончарное и железоделательное ремесла, некоторые приемы ювелирного дела и, возможно, даже начатки письменности: найдены несколько славянских надписей, выгравированных аланскими буквами¹⁵⁸. По-видимому, у соседей было заимствовано славянами и использование плужной пахоты, о чем говорят многочисленные находки железных наральников — таких же, как в салтово-маяцкой культуре каганата¹⁵⁹. Это явление, несомненно, следует сопоставить с распространявшимся с аварских времен новым способом запряжки лошадей с помощью хомута¹⁶⁰. Слова «лошадь» и «хомут» являются древними тюркскими заимствованиями в русском языке; «лошадь» раньше произносилось как «лоша», что близко к чувашскому *laša* — между тем чувашский язык считается наследником языков булгар и хазар¹⁶¹.

Хомут был китайским изобретением, в VI веке принесенным в Европу кочевниками. Использование хомута повышало тягловую силу лошади примерно в четыре раза по сравнению с применявшимся ранее мягким ремнем¹⁶². Применение лошади на пахоте было *фундаментальным открытием*, настоящей «аграрной революцией»¹⁶³: по сравнению с пахотой на быках производительность увеличивалась примерно вдвое. Распространение плужной пахоты отразилось и на системе налогообложения: в X веке славяне-вятичи платят дань хазарам уже не с «дыма», а с «плуга»¹⁶⁴.

Волна диффузионного перенимания алано-хазарской культуры распространилась с Дона на запад, в левобережное Поднепровье, где сложилась новая волынцевская культура¹⁶⁵. Смешение аланского и славянского населения здесь было настолько сильным, что археологи находят у местных славян («северян») и аланов единый антропологический тип — хотя, в принципе, это народы, отличные в антропологическом отношении¹⁶⁶. Этот единый тип северян и аланов отличался от антропологического типа словен, кривичей и других лесных племен, который был ближе к характеристикам западных славян¹⁶⁷.

Для того чтобы собирать дань и держать в повиновении славян, на Северском Донце располагались хазарские крепости с гарнизонами из кочевников¹⁶⁸. *Западнее*, на реке Псел, такой крепостью было Битицкое городище¹⁶⁹. Хазарские форпосты имелись и на берегу Днепра — как доказывает О. Прицак, одним из таких форпостов был Киев. О присутствии хазар в Киеве говорит упоминаемое Константином Багрянородным название киевской крепости Самбат, которое возводят к еврейскому «шабат» — «суббота»¹⁷⁰. Это название связано с преданием о расположенной на краю света реке Самбатсион, на берегу которой проживала иудейская община — очевидно, евреи на Днепре чувствовали себя заброшенными на край света и живущими на берегу Самбатсион¹⁷¹. То, что в Киеве действительно проживало много иудеев, подтверждается позднейшими источниками: в X — XI веках один из районов Киева назывался «Козаре», а другой «Жидове», и к нему вели «Жидовские ворота»¹⁷². Многие историки отмечают, что упоминаемые в «Повести временных лет» имена братьев-основателей Киева, Кий, Щек и Хорив — отнюдь не славянские; О. Прицак возводит имя Кий к имени хазарского визиря Ахмада бен Куйа¹⁷³. Известно также, что иудейский Хорив — это гора, на которой Моисею явился Господь, и близ Киева действительно находится гора Хоревица¹⁷⁴.

Один из интригующих моментов в истории хазарско-иудейского влияния на становление русской культуры касается вопроса о созда-

нии русской письменности. В 860 году в Хазарию была послана православная миссия во главе с Константином (Кириллом) Философом, позже ставшим просветителем славян. Прибыв в Крым, Константин сначала выучил еврейский язык и научился читать еврейские книги. «Нашел же здесь евангелие и псалтырь, написанные *русскими* письменами, — говорит „Житие Константина“, — и человека нашел, говорившего на том языке, и беседовал с ним, и понял смысл этой речи, и, сравнив ее со своим языком, различил буквы гласные и согласные, и, творя молитву богу, вскоре начал читать и излагать их...»¹⁷⁵. М. И. Артамонов полагал, что это «русское» письмо из иудейской Хазарии и было положено Кириллом в основу созданной им славянской азбуки¹⁷⁶ — и тогда становится понятно, каким образом в эту азбуку попало несколько еврейских букв, в том числе «шин» и «цади» (Ш и Ц). Но возможно, что Кирилл, знакомый с еврейской письменностью, самостоятельно пришел к идее использовать эти буквы, чтобы воспроизвести те звуки славянского языка, которые не передавались греческим алфавитом¹⁷⁷.

Как все государства, основанные покорившими земледельцев кочевниками, Хазарский каганат был ксенократическим государственным образованием. Подданные кагана делились на «белых хазар» и «черных хазар». Термин «белые» у тюркоязычных народов (к которым принадлежали хазары) означает «свободный» — это были свободные кочевники, не платившие податей, но в случае необходимости обязанные идти на войну. «Черные хазары» — это было податное земледельческое население, «чернь»¹⁷⁸. К «черни» относились и покоренные славянские племена: «северяне» по-алански означает «черные»¹⁷⁹. О глубоком общественном неравенстве говорит практика захоронений: с одной стороны, простые захоронения славян без погребального инвентаря, с другой стороны — богатые погребения воинов-кочевников с оружием и наложницами¹⁸⁰. «Хазары и их царь — все иудеи, — писал Ибн Фадлан, — а славяне и все, кто соседит с ними, находятся у него в покорности, и он обращается с ними, как с находящимися в рабстве, и они повинуются ему с покорностью»¹⁸¹.

В русских былинах память о хазарах сохранилась в образе необыкновенного великана Казарина или Жидовина, с которым сражались Добрыня и Илья Муромец¹⁸². Интересно вспомнить, что и авары изображались летописью в виде великанов¹⁸³. Напоминанием о том времени в русском языке являются также слова «богатырь» и «смерд»; они были заимствованы у алан, по-видимому, в период совместного проживания славян и алан на Дону. «Богатырями» («ос-бо-

гатар») назвали знатных алан, а «смердами» (то есть просто «людьми») — плативших дань славян¹⁸⁴.

Подобно истории всех ксенократических государств, история Хазарии развивалась по циклу Ибн Халдуна. Принятие иудаизма и трансформация общества по ближневосточному образцу вызвали националистическую реакцию и смуту 820-х годов. Одно из хазарских племен, кабары, примкнуло к восставшим данникам хазар, венграм, и вместе с ними ушло на запад, за Днепр¹⁸⁵. Затем постепенно стало сказываться падение боеспособности хазарского ополчения; каганы были вынуждены использовать наемников, степных тюрок-гузов. В 890-х годах пришедшие из глубин степи печенеги прорвались через Волгу и разорили поселения славян и алан в лесостепи¹⁸⁶. Прогнав венгров на запад, печенеги заняли степи между Днестром и Доном. Территория Хазарии значительно сократилась, и в X веке ослабевшие хазары уже не могли сопротивляться наступающим с востока тюркам-гузам. В 960-х годах тюрки в союзе с русами разгромили города каганата. Основная часть Хазарии досталась гузам, но Саркел и Тмуторокань вошли в состав Руси. Таким образом, Киевская Русь стала наследницей Хазарского каганата в его западных землях.